

Текст · 24 июля 2021, 08:32
Александр Бородихин, Алла Константинова,

«Там пожар, Саня». Два лесничих — из Подмосковья и Карелии — объясняют, в чем заключается их работа (и почему она гораздо сложнее, чем думают горожане)

В завершение Недели пожаров на дилетантские вопросы «Медиазоны» отвечают два профессиональных лесничих — Владимир Захаров из подмосковного Орехово-Зуевского лесничества и государственный инспектор Александр Кокорин из Кондопожского участкового лесничества в Карелии.

Чем вообще занимаются лесничие

Владимир Захаров. В обязанности входит охрана от пожаров, воспроизводство, то есть та самая посадка леса, уход за ним и защита от вредителей-болезней. Но не совсем мы ведем все хозяйственные работы, и не мы тушим пожары непосредственно — этим занимаются специализированные организации. Но все, что происходит в лесу, делается на основе запланированных лесничими мероприятий и под контролем лесничих.

МЧС вообще не имеет отношения к лесным пожарам, это не их прямая обязанность. МЧС отвечает — [это] их зона ответственности — за пожары на жилом фонде и на объектах экономики. В лесном хозяйстве существует своя лесная пожарная служба. Это наземные подразделения лесопожарной станции.

У нас это Центрлесхоз Московской области, в других регионах может быть другое название — лесопожарный центр или еще как-то. Ну и плюс еще в ведении Федеральной лесной службы есть такое специальное учреждение — Авиалесоохрана. Обычно вот их показывают по телевизору. У МЧС есть такая форма, когда они сбрасывают воду, но МЧС и их средства задействуется уже в случае угроз населенным пунктам или когда объявляется чрезвычайная ситуация.

В европейской, центральной части России большинство пожаров тушат, как правило, наземные подразделения. Сибирь и Дальний Восток, северные регионы — это удаленные пожары, где нет возможности наземным способом технику перебросить. Там задействуют авиалесоохрану, которая использует самолеты-вертолеты для доставки людей.

Александр Кокорин. Мы, лесники, выезжаем на место — разведкой занимаемся, производим тушение. Если получают информацию о возгорании — мы выезжаем, нам уже сказали, что загорелось. Посмотрим, обследуем местность — и звоним, говорим вызывать машину пожарную или бригаду. Так пожарные — это же те же эмчээсовцы. Мы работаем с МЧС непосредственно! У нас в Кондопоге вот тут еще есть служба ЕДДС^[1] — мы туда звоним, а они ставят уже всех в известность. Тушим пожар вместе, нет такого: это я делать буду, а это не буду.

О своем лесничестве

Захаров. Если брать в масштабах Московской области, то у нас один из самых крупных районов, одно из крупных лесничеств, и одно из непростых, скажем так. Потому что и большая территория, и есть достаточно глухие места, и большая часть всего нашего лесного фонда связана с торфяными почвами. У нас зона торфопоразработок. Это определенная угроза перехода пожаров в торфяные, в подземные. Что это такое? Многие помнят по 2010 году: дымка, смог.

Кокорин. Всяких есть лесов: болотистые, смешанные, есть сосняки, есть и те, что на песчаных почвах произрастают... Всего достаточно.

Ну да, в карельских лесах есть сухостой, но пока ты его не подожжешь, он гореть не будет. Его удаляют обычно: назначают вырубку на дрова. Но вы в лесу давно были? Ходили там, видели, какая сушина там стоит? Ну! Это не от [количества] сухостоя зависит, конечно!

В основном — костры! Костры развели люди — сейчас вон какой ветер! Даже бутылки, бывает, оставят выкинутые — и из-за солнца^[2] там тоже возгорается!

О текущей обстановке в лесу (по сравнению с Якутией)

Кокорин. Ну вот дождик прошел, обрадовал нас маленько. Нелгозеро горит — но это не мое лесничество, тут я ничего не могу сказать.

Сейчас в моем лесничестве тишина. А на неделе под поселком Лучевые был пожар, сейчас тишина.

Справились, не переживайте. Но вот сейчас День военно-морского флота^[3] пройдет — посмотрим, что-нибудь да будет.

Захаров. Сейчас у всех на слуху та же Якутия. Там сегодня работают ребята из авиалесоохраны: и свои, республиканские, и из других соседних регионов, плюс федеральный резерв — есть такое еще образование, команды, которые перебрасываются туда, где нужно.

У нас авиалесоохрана базируется в городе Пушкино Московской области, там находится федеральная диспетчерская служба, учебный центр — это такой лесной пожарный спецназ, который в случае критической ситуации может вылететь в любую точку страны и там уже работать по пожарам, причем по самым сложным пожарам.

Понятно, что центральный регион, особенно столичная область, немножко в особых условиях находятся по сравнению с теми же сибирскими, уральскими территориями. Даже сравнивать нельзя, по, ну, самой территории. Если мы здесь можем у себя 50-70 километров, вся протяженность лесничества, проехать на машине, а где не можем, у нас есть трактор, который проложит дорогу к очагу, то в той же Якутии или Красноярском крае удаленность пожаров такова, что самолету элементарно не хватает заправки топливом, чтобы долететь туда, отработать и вернуться обратно.

Это не просто пожар не тушится, потому что никто не хочет или кому-то лень. Просто элементарно его не достать в условиях, когда нет дорог и

единственный вариант — по воздуху. Самолет имеет определенное ограничение по заправке: нужно же людей где-то посадить, чтобы люди работали на земле, ни один пожар не тушится только с воздуха. Без наземной команды лесной пожар потушить практически невозможно. Барьер перед линией огня в основном копается вручную: при помощи топор-мотыг^[4], бензопил распиливается полоса, и от этой полосы пожар останавливается. Достаточно тяжелая, опасная работа. Ребята, которые там сейчас работают, сотни людей, они просто герои, я считаю.

Александр Кокорин. Фото: личная страница «ВКонтакте»

В чем главная угроза лесу

Захаров. Источником огня у нас, в Подмосковье, в центральном регионе, является только человек. Такого явления, как сухие грозы, у нас практически не бывает — в отличие от Сибири, где это частое явление.

Специальные рейды обычно проводятся на места массового отдыха граждан, какие-то угрожаемые места. Места, где наибольшие угрозы, уже более-менее известны: это там, где больше людей, там, где чаще жгут костры. Обычно все происходит в выходные дни; различные неприятности, как правило, во второй половине дня к вечеру случаются. С утра-то еще все трезвы и веселы, благообразно

выглядят, а после — отдыхающие в подпитии, собрали все, что можно и, условно говоря, бросили мангал не затушенный или костер не затушенный, и по домам. Потихонечку это все может раздуть-расползтись.

К обеду можно в целях профилактики проехать по местам отдыха, предупредить людей. Само по себе появление патрульной группы в форме на служебном транспорте, с полицией или с МЧС — это все-таки дисциплинирует людей. Если выявляются нарушения, оформляется протокол, потом человеку приходит уведомление о необходимости уплатить штраф за нарушение требований правил пожарной безопасности — от 4 до 5 тысяч рублей в условиях особого противопожарного режима^[5].

Кто-то сравнивает нынешние погодные условия с 2010 годом, но в плане пожарном, борьбы с пожарами, конечно, [их] нельзя сравнивать. Сейчас Московская область, наверное, как никакой другой регион готова — в техническом плане, в оснащении, в подготовке самой системы. Если говорить об осушенных торфяниках, а именно осушенные и горели тогда, то в 2012-2013 году завершилась такая программа обводнения торфяников. Были созданы специализированные гидротехнические сооружения: то есть каналы, по которым вода сбрасывалась с торфополей, сейчас перекрыты задвижками-шлюзами. По периметру созданы каналы с перемычками, задача которых задержать воду и создать водоемы своеобразные. Так что сейчас большинство угрожаемых торфяников стоят с водой. Этот год нам помог, воды весной было много за счет зимних осадков, и эта вода пока еще там во всех системах обводнения стоит.

Кокорин. Низовые, низовые пожары в основном. Верховых нету! Про сухие грозы я не знаю. Я не этот — не метеоролог, во! Ну, а основная причина пожаров, 99,9% — человек.

Захаров. Достаточно частая причина — окурки, брошенные или в форточку автомобиля на придорожную полосу, или просто на автомате: человек докурил и бросил куда-то под ноги, проходя по лесу. Сейчас на фоне жары у нас одновременно сезон ягод: малина, черника, чуть раньше была земляника. Люди ходят, а люди иногда совершают необдуманно машинальные движения, на автомате: докурил и рука куда-то сама отбросила. Даже разговаривая об опасности огня, в процессе разговора

в лесу человек докурил и бросил машинально — и только когда мы обратили внимание, мол, смотри, вот примерно так и начинается пожар, сам человек с удивлением для себя прочувствовал.

Других причин, по сути дела, нет. Умышленные поджоги — иногда об этом ходят всякие мифы. Я никогда лично не сталкивался.

Правда ли лесное хозяйство в России развалили

Захаров. Есть некая расхожая формула, что лесников посокращали и получают они копейки. Но тут вопрос, с чем сравнивать. Если сравнивать с ситуацией советского времени, то да, чуть ли не в разы уменьшилось штатное количество — по сравнению с временами, когда действовали лесхозы. Но лесхозы были фактически комплексными предприятиями, которые вели рубки, которые занимались посадкой леса, там были и рабочие, и лесники, и лесничие. После реформы лесного хозяйства, конечно, было сильное сокращение, приватизация основных средств — это все уже прошло. Ну, наверное, пожары 2010 года намекнули нам всем, что решения были ошибочные. Сейчас регионы по мере возможности возвращают численность сотрудников лесной охраны. Последние пару лет мы видим, что это на таком достаточно высоком уровне озвучивается.

Владимир Захаров. Фото: личная страница в Facebook

Кокорин. Конечно, сейчас меньше лесников! Раньше же в каждой деревне по леснику было! На своем опыте помню — в некоторых деревнях [Карелии] аж по два лесника было.

Это закончилось в 1993 году: ельцинские времена были, власти ничего не надо было. Как госслужба они стали не нужны, стали сокращать.

Лесники раньше за многое отвечали: за процесс лесовосстановления (сажали, ухаживали за деревьями), за санитарные рубки, лесник выписывал дрова местным жителям, делали кормовую базу вместе с охотничьими хозяйствами. А сейчас вот форс-мажор вот в нашей жизни — ничего нет.

Правда ли арендаторы леса стали тушить пожары (как требуют новые поправки в Лесной кодекс)

Захаров. Мне кажется, что больше помогают штрафные санкции, потому что одними уговорами у нас проблемы не решаются, любые проблемы.

Некоторое время назад в законодательство была введена норма, что опашка любых земельных участков, примыкающих к лесу, находится в ответственности собственника. Мы видим по этому году, что есть много полей, где до последнего момента даже не было признаков, что они используются — они все опашаны. Потому что штрафы достаточно приличные. Это где собственник существует реально, его возможно найти — а у нас много земли вообще

непонятно за кем, она много раз была перепродана по различным схемам.

Кокорин. Не знаю, как в других лесничествах Карелии, но в нашем, когда были пожары, арендаторы помогали тушить, они молодцы. Они и раньше свои обязанности выполняли, да. С этим проблем не было!

Захаров. Бывшие совхозы, нынешние сельхозпредприятия, производственные предприятия — им проще и дешевле оплатить работу тракториста. Он проедет по периметру, и даже если возникнет пал травяной по самым разным причинам, огонь или остановится на опашке, или его продвижение замедлится. Мы видим, что это требование, что собственник отвечает за тот огонь, который пришел от него, оно реально работает.

Как устроен мониторинг лесных пожаров

Кокорин. Сейчас нам либо сообщают [о пожаре] с авиабазы, когда облет делают, либо местные жители наблюдают, либо во время патрулирования обнаруживаем. Сообщаем сразу дежурному, там уже принимаем меры, кого-чего вызывать.

В пожароопасный период с авиабазы в Песках [в Петрозаводске] вылетает самолет и идет на патрулирование. Он смотрит, где возгорание происходит, он со своей картой сразу сообщает, где что происходит. Второе, если он полетит в сторону Олонца, а у нас тут на островах бывают возгорания, после рыбаков особенно, они говорят: «Вот, дым». И

мы выезжаем туда. Ну или когда патрулируем лес, ездим на машине — если попадается [возгорание], то сообщаем сразу координаты... И все.

Камер наблюдения нету в лесу. Раньше стояла камера у нас тут в Кондопоге — на вышке на Шунгитовой горке так называемой, она крутилась там... показывала... Но сейчас нету ее в работе.

Самый оптимальный вариант — камеры везде поставить, и чтобы смотреть можно было. В хорошую погоду же дым хорошо видно, далеко. Или неплохой вариант — квадрокоптеры нам государство закупило бы. Квадрокоптер бы подняли на высокую точку, посмотрели бы по окружности — есть возгорание, нет. Тогда владели бы информацией.

У заповедника [Кивач] есть квадрокоптер, они периодически звонят, говорят: «Там [пожар], Саня». Лесничество закупить [квадрокоптер] не может. У лесничества денег нет, говорят. Ну, подает заявки ответственный человек. Мы подаем [заявку], а они уже смотрят, на что есть средства, а на что нету.

Захаров. У нас идет общий четырехуровневый контроль за пожарной ситуацией: космический мониторинг — самое такое глобальное, наши диспетчерские службы фактически в реальном времени в автоматическом режиме получают информацию; авиационный мониторинг — сейчас высокая пожарная опасность, и увеличена кратность патрулирования, в течение дня самолет пролетает два раза по нескольким маршрутам; наземное патрулирование — собственно, то, чем занимаются лесничие, у нас благодаря сети дорог мы можем

проехать в наиболее уязвимых местах; и у нас действует система видеомониторинга.

Региональная диспетчерская служба имеет доступ ко всем камерам, которые установлены обычно на вышках сотовой связи. Камеры кругового обзора, с хорошим разрешением — то есть мы можем видеть всю территорию Московской области. 95 камер, по-моему, чуть меньше сотни. Причем сейчас идет речь об объединении с системами видеонаблюдения муниципалитетов, потому что во многих городских округах тоже есть свои леса.

По перекрестью двух камер, например, можно с достаточно большой точностью определить, где происходит возгорание. Программа автоматически срабатывает, она распознает дым и сообщает об этом дежурному оператору. Дальше начинается отработка этих сигналов: или это ошибка какая-то (дымка, кто-то жжет мусор на садовом участке), либо действительно угроза, и тогда выезжает на место лесничий, проверяет. Если лесной пожар, лесничий определяет, что нужно, определяет начальную площадь, потребности в технике, в людях для тушения; тогда выезжают наши пожарные формирования: или цистерна с водой, или, если нужен, трактор, или, если нужен, тяжелый бульдозер, болотный бульдозер — ситуации бывают разные.

Сигналы поступают через диспетчера через видеокамеры или приходят по звонку через систему 112, на которую замкнута наша лесная диспетчерская служба. Причем звонки бывают самые разные: и костер в лесу, и поле горит — весной у нас бедствия, когда жгут сухую траву. В течение нескольких секунд

это переадресовывается на конкретного лесничего, всего 19 лесничих в области.

Редакторы: Александр Бородихин, Дмитрий Ткачев

1. Единая дежурная диспетчерская служба.
2. Стекло может случайно сработать как линза: сфокусировать солнечные лучи в точку, от этого загорается трава, опавшая хвоя или мох.
3. 25 июля.
4. Инструмент для расчистки леса с двумя взаимно перпендикулярными лезвиями.
5. Часть 2 статьи 20.4 КоАП. На самом деле штраф составляет от 2 до 4 тысяч рублей. Штраф от 4 до 5 тысяч рублей, о котором говорит лесничий, предусмотрен частью 6 той же статьи — нарушение, повлекшее возникновение пожара.